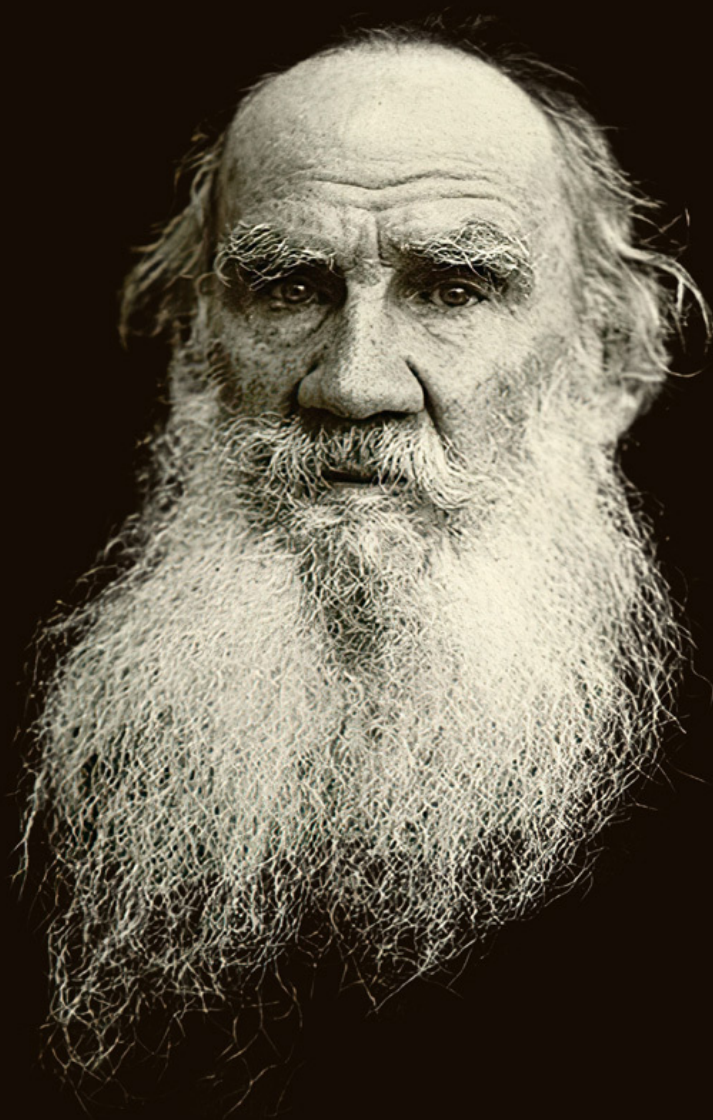

Лев Толстой

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

статьи о войне, насилии, любви,
безверии и непротивлении злу

Лев Толстой

**Не могу молчать: Статьи
о войне, насилии, любви,
безверии и непротивлении злу**

«Альпина Диджитал»

1904, 1908

Толстой Л. Н.

Не могу молчать: Статьи о войне, насилии, любви, безверии и
непротивлении злу / Л. Н. Толстой — «Альпина Диджитал»,
1904, 1908

ISBN 978-5-96-148153-2

Перед вами сборник избранных статей великого русского писателя, чей мощный голос звучал и до сих пор звучит на весь мир. Лев Толстой всегда откликался на самые острые, болезненные проблемы России, его безмерно волновала судьба граждан страны. В сборник вошли три статьи писателя, раскрывающие его дар мыслителя и публициста. «Одумайтесь!» – антивоенная статья. Она была написана после начала Русско-японской войны, впервые увидела свет на английском языке из-за цензуры. В манифесте «Не могу молчать» писатель решительно высказывается против смертной казни, а в статье «Закон насилия и закон любви» осуждает всякое насилие одних людей над другими. Рассуждая о войне и мире, любви и смерти, вере, долге и свободе воли сегодня, нам не обойтись без отсылок к этим ярким, полемическим текстам. Предисловие к книге написал Павел Басинский – лауреат премии «Большая книга», биограф Льва Толстого.

ISBN 978-5-96-148153-2

© Толстой Л. Н., 1904, 1908

© Альпина Диджитал, 1904, 1908

Содержание

Толстой против насилия	7
«Одумайтесь!»	9
I	10
II	13
III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лев Толстой

Не могу молчать: Статьи о войне, насилии, любви, безверии и непротивлении злу. Предисловие Павла Басинского

Текст воспроизводится по изданию: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936, 1956. – Т. 36–37.

Сохранена орфография воспроизведенного текста.

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *М. Красавина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Аксёнова, А. Кондратова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© Предисловие. Басинский Павел, 2022

© Издание, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Лев Толстой
**НЕ МОГУ
МОЛЧАТЬ**

статьи о войне, насилии, любви,
безверии и непротивлении злу

Предисловие Павла Басинского

альпина
ПАБЛИШЕР

МОСКВА
2022

Толстой против насилия

Предисловие Павла Басинского

Статьи Льва Толстого «Одумайтесь!», «Не могу молчать» и «Закон насилия и закон любви» написаны в разное время. Одна – в 1904 году. Две другие – в 1908-м.

Первая связана с началом Русско-японской войны (1904–1905), которую начала не Россия, как многие ошибочно думают, а Япония, вероломно напавшая на русский флот на Дальнем Востоке. В этой войне Россия потерпела поражение, хотя в ее начале не только в правительственных кругах, но и в русском обществе царила уверенность в том, что огромная военная держава легко и быстро справится с «маленькой Японией». В результате этого заблуждения страна потеряла часть своих восточных земель, морскую крепость Порт-Артур и почти весь военный флот – не только дальневосточный, но и балтийский.

Поражение в этой войне во многом стало причиной первой русской революции 1905–1907 годов, подавленной правительством во главе с премьер-министром и одновременно министром внутренних дел Петром Столыпиным, который в 1907 году ввел в России систему военно-полевых судов. С точки зрения политической целесообразности эти скороспелые суды, заканчивавшиеся виселицами (в народе их называли «столыпинскими галстуками»), вероятно, были оправданны. Сегодня трудно судить, каким еще образом можно было погасить волну революционного террора, унесшего жизни тысяч людей – от видных государственных лиц вроде прежнего министра внутренних дел В. К. Плеве до никому не известных полицейских, – и как еще можно было остановить массовые крестьянские поджоги помещичьих усадеб и зверские убийства самих помещиков.

Однако жестокость ответного правительственного «террора» ужаснула не только Толстого, но и всю общественность.

И здесь необходимо пояснение.

К началу XX века Россия была самой прогрессивной страной в отношении смертных казней. Еще со времен дочери Петра I императрицы Елизаветы Петровны (XVIII век) в России была отменена смертная казнь за уголовные преступления. Ни один уголовный преступник, даже самый отъявленный убийца, не был казнен на протяжении более ста лет. Казнили политических преступников, покушавшихся на царских особ (Каракозов, «народовольцы», Дмитрий Ульянов). Казнили тех, кто угрожал существованию монархической власти (Разин, Пугачев, декабристы). Но обычных преступников не казнили, а только отправляли на каторгу.

В этом плане Россия была намного прогрессивнее Европы. Она была такой Европой, которая возникла только во второй половине XX века, отказавшись от смертной казни как от устаревшего, средневекового акта возмездия за преступление.

Свидетельством тому литература.

В романе французского писателя Стендаля «Красное и черное», перевод которого на русский язык вышел в 1874 году, главный герой за покушение на убийство женщины, оставшейся после его выстрела живой, идет на гильотину и лишается головы.

В 1866 году в журнале «Русский вестник» вышел роман Федора Достоевского «Преступление и наказание». За убийство двух женщин, «старухи-процентщицы» и ее сестры, с целью ограбления Раскольников всего лишь отправляется на каторгу.

Отсюда еще и такая реакция русского общества на «столыпинские галстуки». Россия просто отвыкла от смертных казней. В России не было института профессиональных палачей, их приходилось срочно «вербовать» из случайных людей. И обществу, как и Толстому, показалось, что страна в одночасье опрокинулась в какое-то дикое Средневековье.

Для Толстого Петр Столыпин был не чужой человек. В молодости он дружил с его отцом Аркадием Столыпиным, с которым вместе служил в осажденном Севастополе во время Крымской войны (1853–1856). Так что политическое «поведение» сына его товарища было ему вдвойне возмутительно.

Всё это необходимо понимать при современной оценке статьи Толстого «Не могу молчать».

Но как мог бывший боевой офицер Толстой, прошедший Кавказскую и Крымскую войны, отрицать войну как таковую? Он что, не понимал, что войны иногда неизбежны?

Разумеется, понимал. И поражение русской армии на Дальнем Востоке его не радовало. А сдача Порт-Артура просто возмутила. «Разве в наше время так воевали?!» – воскликнул он, по воспоминаниям одного из свидетелей.

Но здесь нужно брать в расчет мировоззрение Толстого, которое складывалось у него после «духовного переворота» в конце 1870-х – начале 1880-х годов. С этого времени он последовательно становится не только писателем, но и религиозным мыслителем с крайне категорическим пониманием христианства как самого верного религиозного учения, которое работало человечество на протяжении своего существования. Отсюда так часто в его статьях цитируются Евангелие и самый, наверное, глубокий христианский мыслитель Европы Блез Паскаль.

Война противоречит главному закону христианского учения: «не убий». Война – это очевидное зло, а мириться со злом, даже если оно вызвано необходимостью, христианин не может.

И еще нужно понять важную вещь. С детских лет Толстой был противником насилия. Любого насилия. Прежде всего – насилия над душой человека. Но и над телом – тоже.

Еще во времена детства Толстого в Ясной Поляне никогда не били детей. Эта традиция шла по линии обоих родов – отца и матери – Толстых и Волконских. Поднять руку на существо, которое не может или не имеет права защищаться, считалось в этих семьях позорным.

В повести «Детство» Толстого вы не найдете ни одного случая, чтобы ребенка телесно наказывали за какую-то провинность. Хотя сечь розгами детей было нормой в других аристократических семьях, даже царских.

В статье 1895 года под названием «Стыдно», посвященной телесным наказаниям, Толстой обращает главное внимание не на физическую, а на нравственную сторону расправы. «Высшее правительство огромного христианского государства, 19 веков после Христа, ничего не могло придумать более полезного, умного и нравственного для противодействия нарушениям законов, как то, чтобы людей, нарушавших законы, взрослых и иногда старых людей, оголять, валить на пол и бить прутьями по задницам».

Это – Толстой! Да, он категоричен. Но он прав. Человека нельзя бить, насиловать и тем более убивать, потому что он – Божье создание. А если это происходит по причинам «целесообразности», то, может, всем людям и правда пора «одуматься»?

Павел Басинский,

писатель, журналист, лауреат премии «Большая книга»

«Одумайтесь!»

«ОДУМАЙТЕСЬ!»

1904 г.

Ныне ваше время и власть тьмы.

ЛУКА, 22:53

I

«Только беззакония ваши были средостением между вами и Богом вашим, и грехи ваши закрыли лицо его от вас, чтобы он не слышал; потому что руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием; уста ваши говорят ложь; язык ваш произносит неправду. Никто не поднимает голоса за правду и никто не судится по истине; уповают на пустое и говорят ложью, зачинают беду и рожают беззаконие. Дела их суть дела греховные, и руки их производят насилие; ноги их бегут ко злу и спешат проливать невинную кровь; помышления их – помышления греховные; опустошение и гибель на пути их; они не знают пути мира, и нет правосудия на стезях их, они сами искривили свои пути; никто ходящий по ним не знает мира. Потому-то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас; мы ожидаем света, но вот тьма; ждем сияния, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ощупью ходим, как безглазые, в полдень спотыкаемся, как в сумерки, в темноте, как мертвецы».

Исаия, 59, 2–4, 6–10

«Ограничимся тем, что напомним, что различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века, и что весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по войне, что европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 110 миллионов в военное время; что две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержанием армий сухопутных и морских».

Молинари

«Но война более уважаема, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольтке, такими странными словами отвечал делегатам мира:

– Война свята, божественного учреждения, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость; одним словом, спасает людей от отвратительного материализма.

Так что соединиться в стада четырехсот тысяч человек, без отдыха ходить день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научиться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченными, быть разможенными без пользы для кого бы то ни было и наконец издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают с голода, – это называется спасать людей от отвратительного материализма».

Гюи де Мопассан

Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Еще можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неученый, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, — можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире — убийства братьев — доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны, возбуждать к ней, посылать на нее своих несчастных, обманутых братьев? Ведь не могут же эти так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают всё это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещенные люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, то есть трудов людских на приготовления к войнам, в самых войнах гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей). Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (на освобождение негров истрачено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга). Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие, так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались. Все так называемые просвещенные люди знают всё это. И вдруг начинается война, и всё это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимо просвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну.

II

«И Микромегас сказал:

– О, вы, разумные атомы, в которых вечное Существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ.

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых жителей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

– В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, – сказал он. – Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

– Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

– Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, – отвечал философ, – и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

– Несчастные, – воскликнул Сириец, – можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

– Не трудитесь делать этого, – отвечали ему. – Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех, варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога».

Вольтер

«Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Этот последний мотив самый дикий, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя всеми преступлениями и постыдными поступками, нет ни одного, который не испытал бы всевозможных унижений. Ежели же и существует честь в народах, то какой же странный способ поддерживать ее войной, то есть всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя честный человек: поджигательством, грабежами, убийством...»

Анатоль Франс

«Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся, что пустил глубокие корни в мозгу человеческом. Надо надеяться, однако, что лучшее, чем ваше, человечество, сумеет освободиться от этого ужасного преступления.

Но что подумает тогда это лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся?

А почти то же, что мы думаем о древнемексиканском народе и его каннибализме в одно и то же время воинственном, набожном и животном».

Летурно

«Иногда один властелин нападает на другого из страха, чтобы тот не напал на него. Иногда начинают войну потому, что неприятель слишком силен, а иногда потому, что слишком слаб; иногда наши соседи желают того, чем мы владеем, или владеют тем, что нам недостает. Тогда начинается война до тех пор, покуда они захватят то, что им нужно, или отдадут то, что нужно нам».

Джонатан Свифт

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русский царь, тот самый, который призывал все народы к миру, всенародно объявляет, что, несмотря на все заботы свои о сохранении дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшиеся захватом чужих земель и усилением войск для защиты этих захваченных земель), он, вследствие нападения японцев, повелевает делать по отношению японцев то же, что начали делать японцы по отношению русских, то есть убивать их; и объявляя об этом призыве к убийству, он поминает Бога, призывая Его благословение на самое ужасное в свете преступление. То же самое по отношению русских провозгласил японский император. Ученые юристы, господа Муравьев и Мартенс, старательно доказывают, что в призыве народов ко всеобщему миру и возбуждении войны из-за захватов чужих земель нет никакого противоречия. И дипломаты на утонченном французском языке печатают и рассылают циркуляры, в которых подробно и старательно доказывают, — хотя и знают, что никто им не верит, — что только после всех попыток установить мирные отношения (в действительности, всех попыток обмануть другие государства) русское правительство вынуждено прибегнуть к единственному средству разумного разрешения вопроса, то есть к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты. Ученые, историки, философы, с своей стороны сравнивая настоящее с прошедшим и делая из этих сопоставлений глубокомысленные выводы, пространно рассуждают о законах движения народов, об отношении желтой и белой расы, буддизма и христианства, и на основании этих выводов и соображений оправдывают убийство христианами людей желтой расы, точно так же как ученые и философы японские оправдывают убийство людей белой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять друг друга и не останавливаясь ни перед какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

И не говоря уже о военных, по своей профессии готовящихся к убийству, толпы так называемых просвещенных людей, ничем и никем к этому не побуждаемых, как профессора, земские деятели, студенты, дворяне, купцы, выражают самые враждебные, презрительные чувства к японцам, англичанам, американцам, к которым они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царем, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет

своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими. Все подносят друг другу безобразные иконы, в которые не только никто из просвещенных людей не верит, но которые безграмотные мужики начинают оставлять, все в землю кланяются перед этими иконами, целуют их и говорят высокопарно-лживые речи, в которые никто не верит.

Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей.

Богачи жертвуют ничтожные доли своих безнравственно нажитых богатств на дело убийства или на устройство помощи в деле убийства, и бедняки, с которых правительство собирает ежегодно два миллиарда, считают нужным делать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви, называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одуренные молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жен, детей, с тоской на сердце, но с напущенным молодечеством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали. И за ними едут врачи, сестры милосердия, почему-то полагающие, что дома они не могут служить простым, мирным, страдающим людям, а могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убитых японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И всё это не только признается проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумить людей, считаются изменниками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия.

Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства.

III

«Война образует людей, перестающих быть гражданами и делающихся солдатами. Их привычки выделяют их из общества, их главное чувство есть преданность начальнику, они в лагерях приучаются к деспотизму, к тому, чтобы достигать своих целей насилием и играть правами и счастьем ближних; их главное удовольствие – бурные приключения, опасности. Мирные труды им противны. Война сама собой производит войну и продолжает ее без конца. Победивший народ, опьяненный успехом, стремится к новым победам; пострадавший же народ, раздраженный поражением, спешит восстановить свою честь и свои потери.

Народы, озлобленные друг против друга взаимными обидами, желают друг другу унижения, разорения. Они радуются тому, что болезни, голод, нужда, поражения постигают враждебную страну.

Убийство тысяч людей вместо сострадания вызывает в них восторженную радость: города освещаются иллюминациями, и вся страна празднует.

Так огрубевает сердце человека и воспитываются его худшие страсти. Человек отрывается от чувств симпатии и гуманности».

Чаннинг

«Наступил возраст военной службы, и всякий молодой человек должен подчиняться не имеющим объяснения приказаниям негодяя или невежды; он должен поверить, что благородство и величие состоят в том, чтобы отказаться от своей воли и сделаться орудием воли другого, рубить и быть рубимым, страдать от голода, жажды, дождя и холода, быть искалеченным, не зная зачем, без другого вознаграждения, как чарка водки в день сражения и обещание неосязаемой и фиктивной вещи – бессмертия после смерти и славы, которую дает или в которой отказывает газетчик своим пером, сидя в теплой комнате.

Выстрел. Он раненый падает. Товарищи доканчивают его, топча ногами. Его закапывают полуживого, и тогда он может наслаждаться бессмертием. Товарищи, родные забывают его; тот, кому он отдал свое счастье, свое страдание и свою жизнь, никогда не знал его. И после нескольких лет кто-нибудь отыскивает его побелевшие кости и из них делает черную краску и английскую ваксу, чтобы чистить сапоги его генерала».

Альфонс Карр

«Они берут человека во всей силе, в лучшую пору молодости, дают ему в руки ружье, на спину ранец, а голову его отмечают кокардой, потом говорят ему: "Мой собрат, государь такой-то дурно обошелся со мной, и потому ты должен нападать на всех его подданных; я объявил им, что ты такого-то числа явишься на их границу, чтобы убивать их..."

"Ты, может быть, по неопытности подумаешь, что наши враги – люди, но это не люди, а пруссаки, французы (японцы); ты будешь отличать их от человеческой породы по цвету их мундира. Постарайся исполнить как можно лучше твою обязанность, потому что я, оставаясь дома, буду наблюдать за тобой. Если ты победишь, то, когда вы возвратитесь, я выйду к вам в мундире и скажу: солдаты, я доволен вами. В случае если ты останешься на поле

сражения, что весьма вероятно, я пошлю сведения о твоей смерти твоему семейству, чтобы оно могло оплакивать тебя и наследовать после тебя. Если ты лишишься руки или ноги, я заплачу тебе, что они стоят. Если же ты останешься жив и будешь уже негоден, чтобы носить ранец, я дам тебе отставку, и ты можешь идти издыхать где хочешь, это до меня не касается"».

Клод Тилье

«И я понял дисциплину, именно то, что капрал всегда прав, когда он говорит с солдатом, сержант, когда он говорит с капралом, унтер-офицер, когда он говорит с сержантом, и т. д., до фельдмаршала, хотя бы они говорили, что дважды два – пять! Сначала это трудно понять, но пониманию этого помогает то, что в каждой казарме висит табличка, и ее прочитывают, чтобы уяснить свои мысли. На этой табличке написано всё то, что может желать сделать солдат, как, например, возвратиться в свою деревню, отказаться от исполнения службы, не покориться своему начальнику и прочее, и за всё это обозначены наказания: смертная казнь или пять лет каторжной работы».

Эркман-Шатриан

«Я купил негра, он мой. Он работает, как лошадь; я плохо кормлю его, так же одеваю и бью его, когда он не слушается. Что же тут удивительного? Разве мы лучше обращаемся с своими солдатами? Разве они не лишены свободы так же, как этот негр? Разница только в том, что солдат стоит гораздо дешевле. Хороший негр стоит теперь по крайней мере 500 экю, хороший солдат стоит едва 50. Ни тот, ни другой не может уйти с того места, где их держат; и того и другого бьют за малейшую ошибку: жалованье почти одинаковое, но негр имеет преимущество перед солдатом в том, что не подвергает опасности свою жизнь, а проводит ее с своей женой и детьми».

(Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs, Art. Esclavage)

Точно как будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бессмысленность, ненужность войны и изображавших ее жестокость, безнравственность, дикость и, главное, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям.

Вспомнишь всё это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, – перед сознанием бессилия человеческого разума.

То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство – его разум, оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, вроде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в ее ногах и только раздражающая ее.

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековой христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек взять ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Ассирияне, римляне, греки могли быть уверены, что, воюя, поступают не только согласно с своей совестью, но совершают даже доброе дело. Но ведь, хотим мы или не хотим этого, мы христиане, и христианство, как бы оно ни было извращено, общий дух его, не мог не

поднять нас на ту высшую ступень разума, с которой уже мы не можем не чувствовать всем существом своим не только безумия, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаем хорошим и должным. И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твердо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело. Всё это неестественное, лихорадочное, горячее, безумное возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые речи о преданности, обожании монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), все эти обещания отстаивания грудью чужой земли, все эти бессмысленные благословения друг друга разными стягами и безобразными иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестер милосердия, все эти жертвы на флот и Красный Крест, отдаваемые тому правительству, прямая обязанность которого в том, чтобы, имея возможность собирать с народа сколько ему нужно денег, объявив войну, завести нужный флот и нужные средства перевязки раненых, все эти славянские напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, про произнесение которых в разных городах газеты сообщают как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, всё это одурение и озверение, в котором находится теперь русское общество и которое передается понемногу и массам, – всё это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.